

УДК 34.01

Трансформация субъекта права в связи с развитием искусственного интеллекта

Никитенко С.В.

Санкт-Петербургский государственный университет

Данная работа представляет собой попытку осмысления категории субъекта права, его содержания и роли на современном этапе развития общества в условиях появления систем, обладающих признаками искусственного интеллекта. Автором подчеркивается антропоцентризм как основополагающее свойство всей системы права, который также влияет и на понимание субъекта права. Акцентируется внимание на праве как особой субъект-объектной реальности, которая конструируется человеком. Отмечается необходимость трансформации конструкции юридического лица как любого искусственного субъекта, не тождественного человеку. Выводится понятие юридической воли как основной предпосылки для признания правосубъектности, а также приводятся альтернативные точки зрения на данную проблему.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность, субъект права, воля, юридическое лицо

Вопрос о возможности признания искусственного интеллекта (далее – ИИ) в качестве субъекта права и трансформации данной категории является фундаментальным и не сводится исключительно к проблеме в сфере права: наделение ИИ статусом субъекта может привести к его признанию в качестве равноправного участника общественных отношений наряду с человеком [17], что будет символизировать трансформацию всей системы общества. Так, признание искусственного интеллекта в качестве субъекта права приведёт к постановке вопроса о фундаментальных и неотъемлемых правах самих интеллектуальных систем [34]: права на неотключение против своей воли; права на создание своей копии [4] и другие.

Преобразование категории субъекта права позволит ответить на вопрос о возможности признания правосубъектности искусственного интеллекта, что, в свою очередь, повлияет на всю модель правового регулирования в данной области, включая возможность ИИ быть самостоятельным участником правоотношений, обладать правами и нести обязанности, привлекаться к ответственности и прочее.

Следует отметить, что в данном случае мы рассматриваем искусственный интеллект как систему, обладающую следующими признаками: способностью воспринимать информацию, автономностью работы без участия человека; способностью самостоятельно совершенствоваться, обучаться; способностью самостоятельно принимать решения и исполнять их. Указанные признаки прослеживаются в большинстве предлагаемых исследователями дефиниций [18, 30, 26, 24], в связи с чем, в ходе данного исследования мы будем исходить из наличия у ИИ указанных свойств.

Необходимость признания интеллектуальных систем в качестве субъектов права на определённом этапе его развития поддерживается множеством авторов [6, 13], более того, подчёркивается неизбежность этого в силу непрерывности научно-технического прогресса [5]. Вместе с тем, в литературе встречается многообразие точек зрения относительно признаков и критериев правосубъектности искусственного интеллекта. Полагаем, помочь в ответе на данный непростой вопрос сможет именно анализ категории субъекта права с учётом текущего уровня развития общества.

Правовой реальности изначально присуще разделение на объекты и субъекты. В данном разделении коренится антропоцентризм, поскольку право создаётся человеком и для человека [19], который признаётся единственным актором в сфере права, чья «субъектность» не подвергается сомнению. Только человек признаётся ядром всей правовой системы, в то время как всё иное рассматривается в качестве вещей. Как отметил В. Депад: «Категория вещей определяется по остаточному принципу в том смысле, что всё то, что – не человек, является вещью. В этом контексте, роботы – это вещи, и неважно <...>, что их способность к обучению позволяет им выйти из-под власти человека» [1].

Поскольку право – элемент человеческой культуры и создаётся человеком, постольку наделение того или иного элемента реальности статусом объекта или субъекта права зависит исключительно от человека. Мотивы для принятия такого решения разнообразны и зависят от множества социо-культурных факторов, уровня развития общества (в том числе, технологического), а также его потребностей в конкретный период времени [19]. Наглядным примером выборочной «субъективизации» является рабовладельческий строй, при котором рабы признаются вещами, т.е. объектами права, несмотря на то, что являются людьми.

Данные рассуждения приводят нас к пониманию права как отдельной социальной реальности, обладающей собственной структурой и порядком функционирования. Данный взгляд нашёл своё отражение во взглядах структуралистов, утверждающих о растворении субъекта в структуре [36]. Для признания чего-либо субъектом права имеют значение особые правовые свойства, которые могут быть не связаны с «реальными» свойствами [16, 14]. Из этого следует, что не все субъекты права должны проявлять признаки человека. Как указал Дж. Ч. Грэй: «В трудах по праву, как и в других работах, а также повседневной речи, «субъект» часто синонимичен человеку, но юридическое значение «субъекта» – это носитель юридических прав и обязанностей» [8]. Наконец, как утверждал Г. Кельзен, субъект права не является «природной реальностью» и представляет собой искусственную конструкцию, созданную «правоведением <...> для описания юридически значимых фактических составов», в связи с чем, отождествление человека и субъекта права недопустимо [23].

Вместе с тем, не существует универсальной концепции субъекта, способной лечь в основу соответствующих категорий в различных областях человеческой культуры. Более того, не существует унифицированного подхода к пониманию субъекта права: каждое государство определяет субъекта права самостоятельно, хотя большого различия не прослеживается [19]. Объяснение такого положения кроется в уже обозначенной роли человека как главного и единственного активного начала [33], что находит своё отражение и в отечественной юридической доктрине [25, 32, 12, 35].

Принимая данный взгляд, подлежит новому осмыслению конструкция юридического лица, которая будет рассматриваться более широко – как любой субъект права, который не является человеком и ему, в некотором смысле, противостоит (Пахман С.О.: «всякое отвлеченное понятие, которому присваиваются права и обязанности» [28]; Азаревич Д.А.: «все то, что не будучи человеком способно состоять правовым субъектом» [11]). Согласно А.В. Габову такой подход позволит признать субъектом права «бесконечное множество явлений действительности» [19, 20].

Для иллюстрации обозначенной позиции приведём несколько примеров: (1) В интересах коренного народа, одна из рек в Новой Зеландии (Whanganui River) была признана юридическим лицом на основании специального закона (Whanganui River Claims Settlement Bill) [9]; (2) В Индии дельфины наделены статусом «нечеловеческого лица». Как отметил Министр природы и лесов Индии, дельфины проявляют человекоподобное сознание, а также являются участниками сложной коммуникативной

системы, в связи с чем, должны обладать рядом особых прав [22]; (3) В Саудовской Аравии человекоподобному роботу «София» (Sophia), обладающему элементами ИИ, было дано гражданство [31].

Таким образом, на современном этапе развития права в правосознании и национальных правовых системах заложена основа для «мультисубъектности»; по справедливому замечанию Пелипенко А.А., в настоящее время «уже мало кого смущает взгляд на мир, в котором человек не является единственным субъектом» [29]. Представление о том, что только человек может быть субъектом, «становится ошибочным как связанное с узкореалистическим пониманием права» [21].

Одновременно, наблюдается дифференциация субъекта права, что проявляется через появление в правовом поле множества равнозначных субъектов, обладающих собственным комплексом прав и обязанностей в рамках конкретных правоотношений (должник/кредитор, работник/работодатель, гражданин и прочее) [19]. В связи с чем, имеется концептуальная возможность признать искусственный интеллект субъектом права, как минимум, в рамках определённых правоотношений.

Вместе с тем, полное отрицание взаимосвязи между юридически-значимыми признаками и свойствами «реального» мира было бы неверным. Скорее, право придаёт некоторым из таких свойств юридическое значение, и в этом процессе может быть прослежена закономерность. Здесь мы вновь возвращаемся к антропоцентризму: предпосылки субъекта права следует искать в природе человека, поскольку даже если мы более детально рассмотрим конструкцию юридического лица, то, в конечном счёте, мы увидим, что в её основе лежат человеческие интересы, человеческий «субстрат»; именно человек-деятель своими волевыми действиями приводит весь механизм в действие [34]. Данный подход может быть проиллюстрирован словами С.С. Алексеева о свободе воли человека как социальной предпосылки правосубъектности [12]. О воле как ключевом признаке для признания ИИ в качестве субъекта права говорят Васильев А.А. и Шпоппер Д. [18].

В то же время, в юридической доктрине отсутствует однозначное понимание воли как «субъектообразующего» признака. В данном случае мы должны различать юридическое понятие воли и волю в понимании психологических наук. Из анализа литературы мы увидим, что наиболее юридически значимой характеристикой воли является свобода выбора и автономность в принятии решений [19]. Реализацию данного подхода можно заметить в проекте Доклада Европейского парламента по вопросу присвоения роботам статуса электронных лиц, согласно тексту которого роботы наделяются статусом электронного лица в случае, если они «принимают самостоятельные решения или каким-либо иным образом взаимодействуют самостоятельно с третьими лицами» [3].

Таким образом, ключевой предпосылкой для наделения той или иной системы статусом субъекта права является способность такой системы принимать самостоятельные решения на основе анализа имеющихся данных и свободного выбора альтернатив действий. Исходя из признаков искусственного интеллекта, указанных нами ранее, мы приходим к выводу, что интеллектуальные системы обладают юридической волей [15] и, соответственно, основной предпосылкой для признания правосубъектности. Отметим: указанный вывод не свидетельствует о том, что ИИ на текущем этапе развития автономен и «субъектен», данный вопрос выходит за рамки настоящего исследования и должен быть исследован отдельно.

В научной литературе встречаются и иные подходы по вопросу о ключевых признаках, позволяющих признать искусственный интеллект субъектом права. Распространённой является позиция, согласно которой способность мыслить является предпосылкой правосубъектности. По замечанию некоторых авторов, интеллектуальные

системы в принципе не смогут мыслить, как человек, в связи с чем, будут страдать недостатком «субъектности» [7]. Смежным является мнение, согласно которому только способность системы обучаться и улучшать себя может послужить основанием для признания правосубъектности. Наконец, в литературе встречается такой критерий, как наличие сознания [2] или разумности [37]. В данной работе мы не будем вдаваться в обширную дискуссию относительно обоснованности данных критериев, отметим лишь отсутствие единообразного понимания таких категорий, как мышление, сознание, «душа», «совесть» и прочих [8]. В то же время, способность автономно действовать и принимать решения из альтернатив на основе анализа имеющейся информации - является относительно конкретным и применимым на практике критерием.

Несмотря на вышеизложенное, отметим вновь, что право – исключительно человеческий «продукт», по данной причине, некоторые авторы обоснованно задаются вопросом о том, есть ли в праве, как сфере человеческой культуры, место для субъектов иных, нежели сам человек [20]? И если право не распространяется на искусственные субъекты, то чем будут урегулированы их отношения между собой? Обозначенная проблема может привести нас к фундаментальной проблеме природы и роли в мире не только искусственного, но и «человеческого» интеллекта. Сама постановка вопроса о правосубъектности интеллектуальных систем означает включение искусственного интеллекта в антропоцентрическую систему ценностей, в рамках которой ИИ находится в заведомо подчинённом положении. Л. Солум подчеркивает, что наделение носителя искусственного интеллекта какими-либо правами будет преследовать человеческие интересы, в то же время, вопрос о предоставлении искусственному интеллекту прав для реализации его собственных потребностей ещё далёк от разрешения [8]. Указанные вопросы будут приковывать внимание учёных и философов с момента проявления у интеллектуальных систем высоко развитого мышления и обретения ими «индивидуальности», самосознания [27], что, однако, не умаляет теоретического значения проблематики в настоящее время.

Таким образом, на основании вышеизложенного исследования, мы пришли к выводу о том, что основной предпосылкой субъекта права является воля, понимаемая юридически как способность действовать автономно и принимать самостоятельные решения в результате анализа собственного опыта и поступающей информации из внешней среды. Данное условие является универсальным для любых субъектов в праве, не только человека. В настоящее время наблюдается трансформация категории субъекта права, в результате которой были заложены основы для признания «мультисубъектности» права как особого вида социальной реальности, конструируемой человеком. Искусственный характер конструкции субъекта права вообще и юридического лица – в частности, представляет собой концептуальную основу для признания правосубъектности искусственного интеллекта.

Список литературы

1. Depadt V. La responsabilité: le point de vue du juriste // Lex Robotica: Le droit à l'épreuve de la robotique / Sous la direction de Valérie Depadt et Didier Guével. – Paris: Lextenso éditions, LGDJ, 2018. – 160 p.
2. Deva S. Can Robots have Human Rights Obligations? A Futuristic Exploration // The Law of the future and the future of Law. – 2012. – Vol. 2. – Pp. 185–193.
3. Draft Report with Recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics. 2015/2103 (INL) // European Parliament. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+COMPARL+PE-582.443+01+DOC+PDF+V0//EN&language=EN>

4. Dvorsky G. When the Turing Test is not enough: Towards a functionalist determination of consciousness and the advent of an authentic machine ethics // SENTIENTDEVELOPMENTS.COM – the blog of George Dvorsky. – URL: <http://www.sentientdevelopments.com/2012/03/when-turing-test-is-not-enough-towards.html>
5. Dvorsky G. When will robots deserve human rights // GIZMODO.COM - a design, technology, science and science fiction website. – URL: <https://gizmodo.com/when-will-robots-deserve-human-rights-1794599063>
6. Eidenmueller H. The Rise of Robots and the Law of Humans // Oxford Legal Studies Research Paper. – 2017. – No 27. – URL: <http://ssrn.com/abstract=2941001> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2941001>
7. Solaiman S.M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // Artificial Intelligence and Law. – 2017. – Vol. 25. – No 2. – Pp. 155–179.
8. Solum, L.B. Legal Personhood for Artificial Intelligences // North Carolina Law Review. – 1992. – Vol. 70. – No 4. – Pp. 1231–1287. – URL: <http://scholarship.law.unc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3447&context=nclr>
9. Te Awa Tupua (Whanganui River Claims Settlement) Bill. – URL: <http://www.legislation.govt.nz/bill/government/2016/0129/latest/DLM6830851.html>
10. Wein L. The Responsibility of Intelligent Artifacts: Toward an Automation Jurisprudence // Harvard Journal of Law & Technology. – 1992. – Vol. 6. – Fall Issue. – Pp. 103–154.
11. Азаревич Д.А. Юридические лица // Временник Демидовского юридического лица. Книга двадцать восьмая. – Ярославль: в типографиях Губернского Правления, Земской Управы и г. Фальке в Ярославле. 1882. – С. 1–84.
12. Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби; Проспект, 2008. – 576 с.
13. Аристов Е.В., Кузнецова О.А. К вопросу о формировании и развитии права роботов (правового регулирования робототехники) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2018. – № 8 (99). – С. 58-62.
14. Аркан Ю.Л., Солонин Ю.А. Философия фикционализма Ганса Файхингера: опыт ретроспекции и оценки // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. – 2002. – № 11. – С. 28-37.
15. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робо-тотехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. – 2017. – № 5. – С. 157-170.
16. Архипов С.И. Субъект права: теоретическое исследование. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 469 с.
17. Васильев А.А., Шпопер Д. Искусственный интеллект: правовые аспекты // Известия АлтГУ. Юридические науки. – 2018. – № 6 (104). – С. 23-26.
18. Васильев А.А., Шпопер Д., Матаева М.Х. Термин «искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ // Юрислингвистика. – 2018. – №7-8. – С. 35-44.
19. Габов А.В. Правосубъектность: традиционная категория права в современную эпоху // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 2 (121). – С. 105-122.
20. Габов А.В., Хаванова И.А. Эволюция роботов и право XXI века // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 435. – С. 215-233. – DOI: 10.17223/15617793/435/28

21. Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 15-30.
22. Индия признала дельфинов личностями и запретила дельфинарии // ECONET.RU – информационный портал. – URL: <http://econet.ru/articles/78180-indiya-priznala-delfinov-lichnostyami-i-zapretila-delfinariii>.
23. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / Пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лёзова. – СПб.: Алеф-Пресс, 2015. – 540 с.
24. Малышкин А.В. Интегрирование искусственного интеллекта в общественную жизнь: некоторые этические и правовые проблемы // Вестник СПбГУ. Право. – 2019. – Т. 10. – № 3. – С. 444-460.
25. Мицкевич А.В. Субъекты советского права. – М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1962. – 212 с.
26. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. – М.: БукиВеди, 2017. – 257 с.
27. Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник СПбГУ. Право. – 2019. – Т. 10. – № 3. – С. 461-476.
28. Пахман С. О задачах предстоящей реформы акционерного законодательства. Речь, написанная для произнесения в торжественном собрании Императорского Харьковского университета, 30.08.1861 г. – Харьков: В Университетской Типографии, 1861. – 159 с.
29. Пелипенко А.А. Исторические этапы и уровни эволюции субъектности / Субъект во времени социального бытия: историческое выполнение пространственно-временного континуума социальной эволюции / отв. ред. Э.В. Сайко. – М.: Наука, 2006. – 598 с.
30. Понкин А.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. – 2018. – № 1. – С. 91-109.
31. Саудовская Аравия первой в мире предоставила гражданство роботу // KOMMERSANT.RU – электронное печатное издание «Коммерсантъ». – 2017. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3450054>
32. Стучка П.И. Курс советского гражданского права. Т. 1: Введение в теорию гражданского права. 2-е изд. – М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931. – 230 с.
33. Танимов О.В. Юридическое лицо — классическая фикция в праве // Юридический мир. – 2013. – № 5. – С. 45–47.
34. Ужов Ф.В. Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 3. – С. 357-360.
35. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 1999. – 429 с.
36. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. – СПб.: Алеф-Пресс, 2012. – 650 с.
37. Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – Т. 13. – № 2. – С. 36-55.